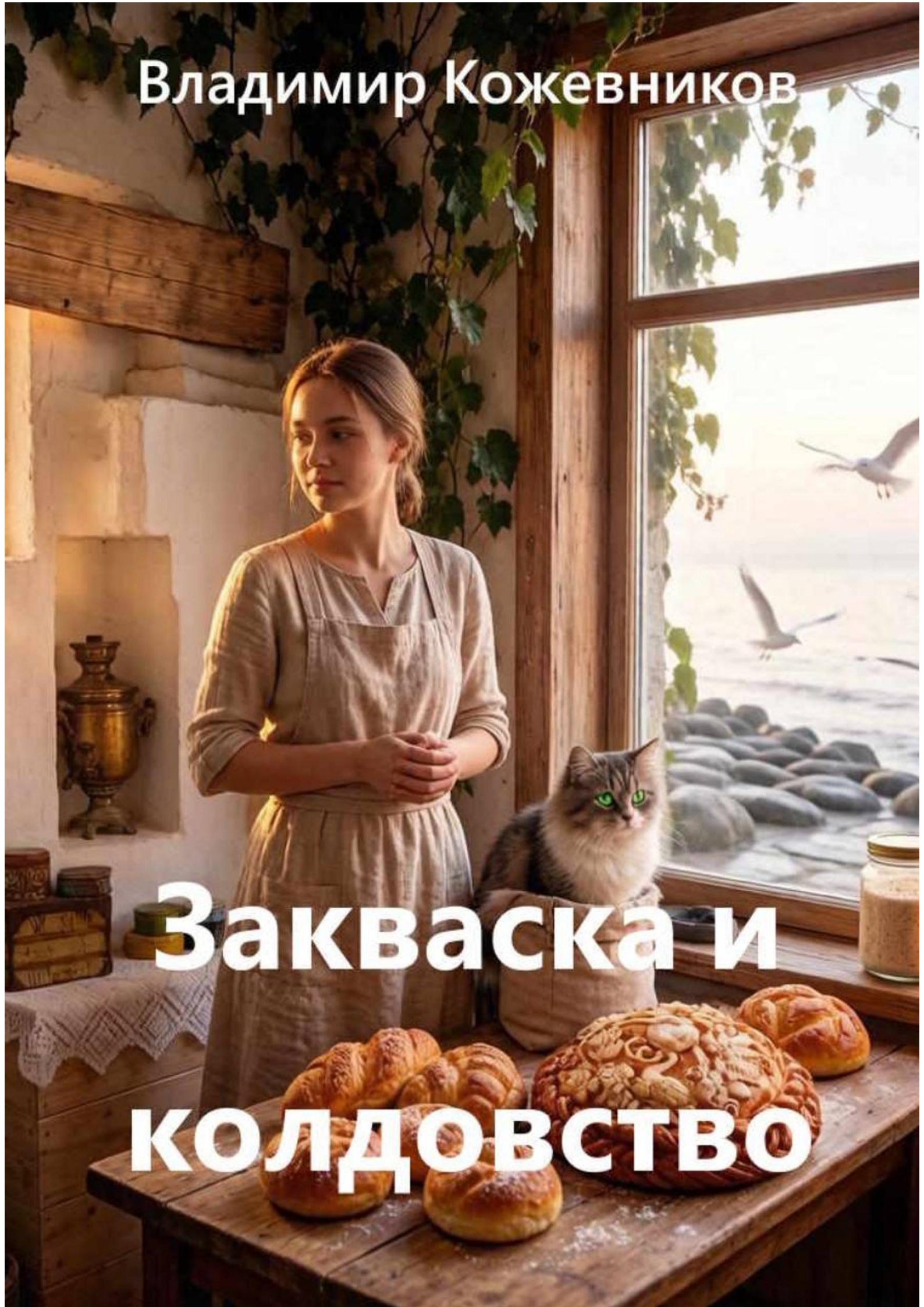

Владимир Кожевников

Закваска и колдовство

Владимир Кожевников

Закваска и колдовство

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Закваска и колдовство / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

«Закваска и колдовство» — тёплая история о Миле, молодой пекарше, которая после утомительной столичной работы возвращается в маленький приморский городок Пряный Мыс и получает в наследство крошечную пекарню «Тёплый бок». Вместе с печью и старинной книгой рецептов ей достаётся живая бабушкина закваска — капризная, пузырчатая и волшебная. Вот только в новом доме закваска вдруг засыпает: хлеб не поднимается, магия исчезает. Местная знахарка объясняет: закваска питается не только мукой, но и хорошими отношениями с соседями. Привыкшей к одиночеству Миле приходится знакомиться с ворчливым рыбаком, юной травницей, котом-домовым и другими жителями городка. Постепенно пекарня становится местом встреч, а Мила учится печь не только хлеб, но и маленькие радости. Атмосфера дрожжей и корицы, тёплый свет из окна, неспешные разговоры за чашкой чая.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Банка с сюрпризом	5
Глава 2. Хлеб для храбрости	7
Глава 3. Пирог-примирение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Кожевников

Закваска и колдовство

Глава 1. Банка с сюрпризом

Пряный Мыс пахло не морем. Море пахло йодом и водорослями, но город перебивал его запахом дрожжей, корицы и подгоревшего сахара. Мила вышла из автобуса, поставила на асфальт две сумки и банку. В банке дремала закваска — серая, пузырчатая, с кисловатым духом, который бабушка называла «дыханием дома». Банка была обмотана шарфом, будто ей было холодно.

— Добро пожаловать в рай для обжор, — сказал водитель и захлопнул дверь.

Мила огляделась. Дома увиты плющом, на набережной вывески пекарен, кондитерских и одной лавки, где продавали «счастье в пакетиках». Мила фыркнула. Где-то орали чайки. Где-то пахло багетом. Мила вздохнула: она мечтала о тишине, а попала в ожившую открытку.

Пекарня «Тёплый бок» стояла на углу, прижавшись к рыбной лавке. Вывеска покосилась, дверь заедала. Внутри — пыль, пустые полки, печь, покрытая сажей, и книга в кожаном переплёте на прилавке. На форзаце бабушкиным почерком: «Читай вслух. С любовью. Иначе не поднимется».

Мила открыла банку. Закваска пахла уксусом и мокрой корой. Она добавила муки, плеснула воды, поставила у печи. К вечеру закваска не забурлила. Она просто лежала, как серая лужа. В банке что-то булькнуло, как будто внутри обиделся маленький кислый бог.

— Ну и ладно, — сказала Мила. — Утро вечера мудренее.

Утро не помогло. Тесто не поднялось. Хлеб вышел кирпичом. Мила попробовала снова — то же самое. Она попробовала петь закваске колыбельную. Соседи стучали в стену. Закваска молчала, будто обиделась. Мила попробовала поставить банку на солнце. Закваска стала сизой. Мила попробовала поругаться на неё. Закваска запахла уксусом так, что заслезились глаза.

На третий день Мила прочитала вслух рецепт из бабушкиной книги: «Хлеб для храбрости. Взять муку, воду, закваску и щепотку наглости. Читать с любовью. Иначе не поднимется». Тесто в миске дёрнулось. Мила не успела удивиться, как оно выпрыгнуло на стол и поскакало, как лягушка. Мила схватила полотенце, погналась за ним, крича: «Стой, зараза!» Тесто юркнуло в печь. Через минуту оттуда выскочила булка в форме уха. Мила съела ухо. И почувствовала, что может пойти и познакомиться с кем угодно. Даже с рыбаком.

На набережной у причала сидел рыбак — борода, свитер, лицо как у камня. Он чинил сеть и ворчал на чаек. Мила подошла.

— Здравствуйте. Вы не знаете, где тут можно купить муку?

— В лавке, — сказал он, не поднимая глаз.

— А где лавка?

— За углом.

— Спасибо.

Он сделал вид, что кашляет. Мила ушла. Закваска дома всё ещё спала. Но когда Мила вернулась с мукой, в банке образовался один маленький пузырек. Как будто закваска вздохнула.

— Уже что-то, — сказала Мила.

Ночью кот-домовой стащил мешок муки. Мила проснулась от шороха, увидела в темноте два зелёных глаза и сказала:

— Ты кто?

— Мяу, — сказал кот.

— Это не ответ.

Кот посмотрел на неё, как на дуру, и утащил мешок в подпол. Мила вздохнула. Завтра она испечёт багет. И, может быть, улыбнётся рыбаку.

На четвёртый день в дверь постучали. На пороге стояла старуха в платке, с корзиной сушёных трав.

— Я Агата, — сказала она. — Знахарка. Твоя бабка мне в позапрошлом году палец вылечила. Я долг отдаю. И закваска твоя мне спать не даёт — слышу, как она скулит. Ты с соседями-то ругаешься?

— Я ни с кем не ругаюсь. Я вообще ни с кем не разговариваю.

— Вот и она молчит. Закваска — она как кот. Ей нужно, чтобы её гладили, кормили и чтобы вокруг люди хорошие ходили. Ты одна. Она спит.

Мила хотела сказать, что это бред. Но хлеб и правда не поднимался. Она прыснула и пошла ставить тесто. На этот раз — с наглостью.

Глава 2. Хлеб для храбрости

Утром Мила проснулась от запаха. Не от запаха кофе или пыли, а от запаха дрожжей — слабого, но живого. Закваска в банке покрылась мелкими пузырьками, как будто кто-то внутри дышал во сне.

— Очнулась, — сказала Мила.

Она замесила тесто. На этот раз оно поднялось — не высоко, но поднялось. Мила испекла багет. Он вышел кривым, с трещиной на боку, но пах настоящим хлебом. Она выставила его на прилавок, открыла дверь и стала ждать.

Первым пришёл рыбак. Фёдор. Он вошёл, не здороваясь, посмотрел на багет, как на врага, и сказал:

— Это что?

— Багет.

— На багет не похоже.

— А вы покупать будете или критиковать?

Фёдор моргнул. Дважды. Достал монету, взял багет и ушёл. Мила смотрела ему вслед. Он перешёл дорогу, сел на парапет и стал крошить багет чайкам. Мила фыркнула. Потом приснула. Потом засмеялась в голос.

К обеду закваска стала сердитой. Мила это почувствовала: банка потяжелела, запах стал резким, уксусным. Она заглянула внутрь — закваска пошла сизыми пятнами.

— Ты чего? — спросила Мила. — Я же тебя покормила. Испекла. Продала.

Закваска забулькала. Мила вздохнула и пошла читать бабушкину книгу. На одной из страниц, между рецептом ржаного хлеба и пирога с капустой, она нашла запись: «Если закваска капризничает — значит, хозяйка что-то не доделала. Не в тесте дело. В людях».

Мила закрыла книгу. В людях. Она и так продала багет. Что ещё нужно?

Днём она вышла на набережную — за мукой. И увидела Варю. Девушка стояла у причала с корзинкой трав и разговаривала с молодым парнем в вязаной шапке. Парень что-то сказал, Варя покраснела, уронила корзинку, полезла собирать. Парень наклонился помочь, они стукнулись лбами. Мила усмехнулась: «Влюблённая травница. Бывает».

Вечером в дверь постучали. На пороге стояла та самая девушка — тонкая, с косичками, в фартуке, перепачканном землёй. Она пахла полынью и ромашкой. В руках — корзинка с травами. Варя теребила фартук, начинала фразу и обрывала:

— Здравствуйте. Я Варя. Я тут живу, за углом. Я травница. Ну, учусь. У Агаты. Я подумала... ну... если... — Она замолчала.

Мила посмотрела на корзинку. На травы. На то, как Варя переминается с ноги на ногу. И догадалась.

— Хлеб для храбрости? — спросила Мила.

Варя кивнула, не поднимая глаз.

— Для свидания? С Тимофеем?

Варя вскинула глаза:

— Откуда вы знаете?

— Угадала, — сказала Мила. — Приходи утром. Будет тебе хлеб.

Варя ушла. Мила села на мешок с мукой и стала думать. Как испечь хлеб для храбрости, если сама она боится даже с рыбаком поговорить? Она открыла книгу. На полях, бабушкиным почерком: «Храбрость не в тесте. Храбрость в том, чтобы захотеть испечь для кого-то другого».

Мила замерла. Потом посмотрела на закваску. Закваска смотрела на неё. Ну, не смотрела, но пахла как-то по-другому. Мягче.

Ночью кот опять стащил муку. Мила проснулась, увидела зелёные глаза и сказала:

— Ты обнаглел.

Кот мяукнул так, что стало ясно: он считает себя жертвой.

— Не мяукай. Положи мешок.

Кот спрятал мешок за спину, как ребёнок.

— Ладно, — сказала Мила. — Пошли в подпол. Покажешь, где твои запасы.

В подполе пахло мокрой землёй и старыми опилками. В углу что-то шуршало — то ли мыши, то ли кот-домовой делал запасы. Мила нашла гору мешков, три ложки, одну перчатку и бабушкину брошку. А ещё — фотографию. Бабушка, молодая, смеётся, рядом — Агата, тоже молодая. А на заднем плане — размытый силуэт мужчины с удочкой.

Мила спрятала фотографию в карман.

— Муку можешь оставить, — сказала она коту. — Но брошку и фото — нет.

Кот посмотрел на неё так, будто впервые видел не только руки, но и голову. Мила впервые почувствовала, что с котом можно договориться.

Утром она замесила тесто для Вари. Добавила муку, воду, закваску. И щепотку наглости. Потом прочитала вслух: «Хлеб для храбрости. Читать с любовью». И добавила от себя: «Читать с любовью к Варе, которая боится первого свидания».

Тесто поднялось. Ровно, спокойно. Мила испекла маленькую булочку, посыпала тмином, завернула в бумагу. Когда Варя пришла, Мила сказала:

— Съешь перед свиданием. Но не всю. Половину.

— А вторую?

— Вторую отдашь Тимофею. И скажешь: «Это от пекарни „Тёплый бок“». А он скажет: «А, это где багет для чаек». И вы посмеётесь.

Варя уставилась на неё.

— Откуда вы знаете про чаек?

— Угадала, — сказала Мила и подмигнула.

Варя ушла. Закваска в банке забулькала — громко, весело. Мила посмотрела на неё:

— Довольна?

Закваска пузырилась.

Мила отломил крошку от булочки, которую оставила для себя. Съела. И вдруг почувствовала, что хочет сказать Фёдору всё, что думает. Она вышла на набережную. Фёдор чинил сеть. Мила подошла и выпалила:

— Вы зачем багет чайкам скармливаете? Он же дорогой!

Фёдор моргнул. Дважды.

Мила осеклась. Она только что нахамила своему единственному покупателю.

— Простите, — сказала она. — Это хлеб. Ну, тот, для храбрости. Я, кажется, перебрала.

Фёдор смотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Багет был нормальный. Для чаек. Они у меня привередливые.

Мила прыснула. Фёдор сделал вид, что кашляет.

— А вы давно тут рыбачите? — спросила Мила.

— Давно.

— А бабушку мою знали?

Фёдор молчал. Смотрел на море. Потом сказал:

— Знал.

И больше ничего не сказал. Мила кивнула. Ушла. Дома закваска пузырилась так, будто смеялась.

Вечером пришёл Фёдор. Он купил второй багет. Молча. Но когда уходил, обернулся и сказал:

— Тот, первый. Нормальный был. Для чаек.

— Спасибо, — сказала Мила.

Фёдор кивнул и ушёл. А Мила впервые за долгое время почувствовала, что Пряный Мыс пахнет не только дрожжами и корицей. Он пах домом.

Глава 3. Пирог-примирение

Утром Мила обнаружила, что закваска пахнет не уксусом, а мёдом. Это было странно. Закваска никогда не пахла мёдом. Она пахла кислым, дрожжевым, иногда — уксусом, если обижалась. Но мёд?

— Ты чего? — спросила Мила.

Закваска забулькала. Мила заглянула в книгу. На полях, бабушкиным почерком: «Когда закваска пахнет мёдом — жди гостей. Не тех, кого звали. Тех, кого не ждали».

Мила вздохнула. Гости ей только не хватало. Она ещё не разобралась с Фёдором, с фотографией, с котом, который вчера утащил не только муку, но и её любимую ложку.

В дверь постучали. На пороге стояли две женщины. Одинаковые лица, одинаковые платки, одинаково скрещённые руки. Только одна была в синем, а другая — в зелёном.

— Вы пекарка? — спросила синяя.

— Я Мила. Я пеку.

— Нам нужен пирог, — сказала зелёная. — Для примирения.

— Мы сёстры, — сказала синяя. — Мы поссорились.

— Из-за чего?

Сёстры переглянулись. Синяя сказала:

— Из-за забора.

— Из-за какого забора?

— Из-за общего, — сказала зелёная. — Он между нашими участками. Я говорю, что он мой. Она говорит, что её. Он стоит уже сорок лет. Мы не разговариваем три месяца.

Мила посмотрела на них. На одинаковые поджатые губы. На одинаково скрещённые руки. И поняла: пирог тут не поможет. Но она всё равно сказала:

— Приходите вечером. Будет пирог.

Сёстры ушли. Мила открыла книгу. Рецепт «пирога-примирения» был написан бабушкиным почерком и занимал всю страницу. Внизу приписка: «Печь с любовью. Но не с жалостью. Жалость — не любовь. Жалость — это когда ты считаешь себя лучше. А они это почувствуют. И пирог не поднимется».

Мила задумалась. Она не жалела сестёр. Она их не понимала. Забор? Сорок лет? Из-за забора?

Она замесила тесто. Добавила муку, воду, закваску. Закваска пахла тёплым, как руки. Тесто поднялось быстро, слишком быстро. Мила накрыла его полотенцем и пошла за яблоками.

На набережной она столкнулась с Фёдором. Он нёс ведро с рыбой. Держал он его так, будто оно его защищает. Мила хотела пройти мимо, но Фёдор остановился.

— Ты вчера про бабушку спрашивала, — сказал он.

— Спрашивала.

— Она мне долг простила. Когда-то. Я ей сеть порвал, а она сказала: «Бог с тобой, Фёдор. Иди». И больше не вспоминала.

Мила ждала. Фёдор молчал. Потом сказал:

— Хорошая была. Хлеб пекла — как песню пела.

И ушёл. Мила смотрела ему вслед. Закваска дома пахла мёдом так, что кружилась голова.

Днём пришла Агата. Без стука, как будто дверь сама открылась. Она подошла к банке, понюхала.

— Мёдом пахнет, — сказала она. — Значит, проверка. Она смотрит, сможешь ли ты не жалеть, а понять.

— Кого понять?

— Сестёр. Они не из-за забора ссорятся. Забор — это то, о чём можно кричать. А настоящая причина — та, о которой молчат.

Мила хотела спросить, что за причина, но Агата уже ушла. Только дверь скрипнула.

Вечером пришли сёстры. Синяя и зелёная. Мила вынесла пирог. Он был красивый — золотистый, с яблоками, с корицей. Сёстры сели за стол. Мила разрезала пирог. Синяя взяла кусок, откусила. Зелёная взяла кусок, откусила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.